

10. Меркель, В. Формальные и неформальные институты в дефетных демократиях / В. Меркель, А. Круассан // Полис. – 2002. – № 2. – С. 20–30.
11. Методические подходы политологического исследования и метатеоретические основы политической теории. Комментированное введение / сост.: Н. Конеген, К. Шуберт. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – 220 с.
12. Назарук, А. В. Сетевое общество и его философское осмысление / А. В. Назарук // Вопросы философии. – 2008. – № 7. – С. 61–75.
13. Комаровский, В. С. Государственная служба и СМИ / В. С. Комаровский. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2003. – 105 с.
14. Олескин, А. В. Сетевые структуры и задача сохранения этнической и региональной идентичности в условиях глобализации / А. В. Олескин // Сайт о биополитике [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа: <http://biopolitika.ru/publ/2-1-0-46>. – Дата доступа: 20.09.2009.
15. Панарин, А. С. Постмодернизм и глобализация: проект освождения собственных ресурсов от социальных и национальных обязательств / А. С. Панарин [Электронный ресурс]. – 2007. – Режим доступа: <http://www.1-allglobe.com/panarin.htm>. – Дата доступа: 27.12.2008.
16. Политическая наука: новые направления / пер. с англ. М. М. Гурвица, А. Л. Демчука, Т. В. Якушевой; науч. ред. рус. изд. Е. Б. Шестопал. – М.: Вече, 1999. – 816 с.
17. Семенова, В. В. Качественные методы: введение в гуманитарное социологию / В. В. Семенова. – М.: Дело, 1998.
18. Сергеев, В. М. Механизмы эволюции политической структуры общества: социальные иерархии и социальные сети / В. М. Сергеев, К. В. Сергеев // Полис. – 2003. – № 3. – С. 6–13.
19. Сморгунюв, Л. В. Сетевой подход к политике и управлению / Л. В. Сморгунюв // Полис. – 2001. – № 3. – С. 103–112.
20. Толкачев, С. А. Постмодерн как мировоззрение перманентного кризиса / С. А. Толкачев // Капитал страны [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа: <http://www.kapital-plus.ru/articles/article/996>. – Дата доступа: 12.12.2009.
21. Тоффлер, Э. Эра смещения власти / Э. Тоффлер // Философия истории. Антология / под ред. Ю. А. Кимелева. – М., 1995. – С. 332–333.
22. Физун, А. Политическая экономика «цветных» революций: неопатримониальная интерпретация / А. Физун [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа: http://www.intelros.ru/pdf/prognosis/211-244_fizun.pdf. – Дата доступа: 20.01.2010.
23. Comparing policy networks: Labor politics in the U.S., Germany and Japan / By D. Knoke, F. Rappi, J. Broadben, Y. Tsujinaka. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996. – 288 p.
24. Managing Complex Networks: Strategies for the Public Sector / Ed. by Walter J. M. Kickert, Erik-Hans Klijn, Joop F. M. Koppelman. – SAGE Publications, 1997. – 224 p.

2 СУЩНОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ МИРА ПОЛИТИЧЕСКОГО

2.1. Предмет и особенность теоретико-методологического исследования политики и власти в политической антропологии

«Заползшая специализация социальной антропологии» – так назвал Ж. Баланда исследование в области политической антропологии [4, с. 11]. Политическая антропология предметно выделялась из социальной антропологии только на рубеже 1930–40-х гг. Данная научная дисциплина была востребована необходимостью изучить на эмпирическом материале генезис политической и государственной власти, выявить тенденции и особенности становления политических институтов в исторической динамике и найти универсальные черты организации политико-властных отношений, применимые не только к архаическому, но и к современному обществу.

Научные достижения в области политической антропологии расширяют знания о человеческой эволюции, природе общества и государства, механизмах и законах политики, помогают обретенно более глубокого понимания онтологии власти, природы социальных конфликтов, истоков толерантности и угнетения. Политико-антропологический подход формирует понимание о том, как традиционные и архаические властные структуры встраиваются в современную политику и работают в условиях демократии и информатизированного общества. Именно в антропологических исследованиях генезиса власти и форм ее трансформаций «политическое ... помещено на свою настоящую почву, не на почву формальных институтов, а на почву действий, которые имеют в виду поддержку или изменение установленного порядка» [4, с. 8]. К. Леви-Стросс писал, что формирование антропологического мышления позволяет преодолеть многие недостатки современной технократической цивилизации, «основанной на принципе и идее повышенного мнения» человека о самом себе. «Возоминуть себя существом извечно или хотя бы временно поставленным над другими, обращаться с людьми как с вещами, либо из-за различия рас и культур, либо в результате завоевания, либо ради «высокой миссии», либо просто

ради целесообразности, это неисклупимый грех, которому нет оправдания в цивилизованном обществе» [22, с. 26–27].

Достижения политической антропологии позволили расширить сферу ее применения. Так, французский исследователь В. Лемье считал, что создание общей теории политических систем возможно только на антропологической основе [4, с. 8]. Г. Алмонд полагал антропологические исследования условием сравнительной политической науки. Политическая антропология приобретает особую значимость и актуальность еще и потому, что позволяет преодолеть западноразрыв, то, что Р. Арон называл «провинциализмом» современных политологов.

Возрастающий интерес к политической антропологии связан, как считают российские авторы монографии «Политическая антропология», и с таким повышенным престижем и статусом гуманитарного знания, изживая «резким повышением престижа и статуса гуманитарного знания, изживая «технократического синдрома» в изучении общества [13, с. 89].

Определение предмета политической антропологии до сих пор носит дискуссионный характер. Вариативность подходов связана с трактовкой «политического» и широтой охвата исследуемых обществ. Этнографический материал, полевые исследования являются основной источниковой базой для политантропологов. Поскольку они занимаются в основном изучением неевропейских культур, то предметом сравнительного анализа в политической антропологии стали механизмы и институты власти и социального контроля преимущественно в архаических, догосударственных обществах. Политическая антропология устанавливает зависимость политики от родовых качеств человека, а также анализирует обратное влияние политической сферы на личность. Политическая антропология является инструментом открытия и изучения не только различных институтов, но и практик, обеспечивающих управление людьми, так же как эта наука исследует человека как «*homo politicus*», действующего во всех политических организациях, взятых во всем их культурном, историческом и географическом разнообразии. В задачи политической антропологии входит сравнительное изучение политической организации первобытных и архаических обществ и формирование на этой основе политической теории, раскрывающей сущность политики и механизмы трансформации политических систем.

Согласно А. Е. Кубеделю, предметом данной науки являются отношения власти и управления обществом преимущественно в доиндустриальные эпохи [20]. Многие определения в словарях, энциклопедиях и справочниках содержат тот же смысл: политическая антропология — часть социальной антропологии, изучающая политический процесс и политические учереждения в простых обществах [26, 27].

М. Абеле расширяет исследовательскую область политической антропологии и определяет ее предмет как изучение властных процессов и систем, пронизывающих не только архаические, но и современные структуры, и способов, в которых проявляются корни и формы политического действия в современных обществах [1, с. 30].

Н. Н. Крадин отмечает, что с вытеснением первобытного и традиционного образа жизни под давлением индустриализма и постиндустриализма предмет исследования политических антропологов не исчезает. Во многих постколониальных и развивающихся обществах, а также в странах постсоциалистического мира традиционные социальные отношения продолжают играть существенную роль. Поэтому применение антропологических подходов к изучению современных обществ имеет большие перспективы. В частности, появились такие специализированные дисциплины, как антропология возраста, феминистская антропология, антропология национальных меньшинств, антропология права, антропология насилия. Предмет политической антропологии стал шире, чем считалось ранее. «Политантропологи, пользуясь антропологическими (этнологическими, этнографическими) методами, могут продуктивно изучать механизмы власти и контроля не только в доиндустриальных, но и в современных обществах». Особую ценность политантропологическим исследованиям придает «широкое использование сравнительно-исторического метода и возможность понять незападные политические системы изнутри, без навязывания им политологической и социологической терминологии, разработкой на примере цивилизации Запада» [19].

В. В. Бочаров также расширяет предмет политической антропологии. По его мнению, политическая антропология «с ее научными традициями не только продолжает служить основным инструментом познания власти и властных отношений в обществах, сохранивших до сего времени мощный архаический субстрат, но имеет немалый потенциал для исследования некоторых аспектов подобных отношений в индустриальных (постиндустриальных) системах и, таким образом, может существенно обогатить наши представления о политическом процессе» [9, с. 37].

Авторы монографии «Политическая антропология», в которой с антропологических позиций исследуются современные институты власти и политические процессы, определяют ее как науку о «человеке политическом»: о субъекте политического творчества, его возможностях, границах, специфике его воздействия на социальную и духовную среду общества. В рамках дихотомии «субъект — система» политическая антропология представляет субъекта, тогда как другие отрасли политической науки акцент делают на системе, институциональных сторонах политики. Именно в политической антропологии изучается специфика «человека политиче-

ского» [13, с. 88]. «В ней функциональный подход к политике, связанный с проблемами эффективности, дополняется ценностями, связанным с проблемами назначения и смысла, целей и средств, доступного и недопустимого» [13, с. 89]. В данной трактовке предмет политической антропологии включает в сферу своего научного интереса процессы «гуманизации политики под знаком альтернативного социологическому детерминизму антропологического видения» [13, с. 93].

Ж. Баландье по-своему определяет целевые установки и проблематику политической антропологии. Во-первых, это определение политического, которое не связывается «ни с так называемыми историческими обществами, ни с существованием государственного аппарата». Во-вторых, это анализ и «проектирование процесса формирования и изменения политических систем» начиная с архаических обществ. В-третьих, «осуществление компаративистского исследования, охватывающего различные проявления политической реальности не только в границах особой истории Европы, но и на всем историческом и географическом пространстве» [4, с. 16].

Синтезировав основную проблематику, можно обозначить основную исследовательский интерес политической антропологии как изучение совокупности институтов контроля и власти в примитивных обществах, структуры данных институтов и их сравнительной типологии; анализ причин и факторов преобразования одних форм в другие, проблемы адаптации, инкорпорации и трансформации традиционных механизмов контроля в современных политических институтах. В целом политическая антропология – это *антропологическая дисциплина*, изучающая народы мира с целью выявления особенностей политической организации в исторической динамике и нахождения общих универсальных черт, применимых к современному обществу. На наш взгляд, наиболее удачное определение предмета политической антропологии дает Н. Н. Крадин. «Политическая антропология – это антропологическая дисциплина, изучающая политическое поведение, политические и властные институты этнографическими методами» [18, с. 15].

Достижения политической антропологии дают богатейший аналитический материал для современной политологии, особенно в сфере кратологии. В первую очередь это исследования западных антропологов Э. Званса-Притада, М. Фортеса, Дж. Фрезера, А. Р. Рэдклифф-Брауна, Л. Е. Сервера, Ж. Баландье, Х. Класена. Политическая антропология раскрывает генезис власти, историю преобразования одних форм и механизмов социального контроля и доминирования в другие, неполитических – в политические и государственные. Этнографический материал дает возможность выявить культурно-исторические тенденции развития властных институтов, разработать модели политогенеза, а также анализировать проявление архаического в современных политических системах.

В советском общественном термин «политическая антропология» не применялся из-за своего несоответствия официальной трактовке политического как исключительно классово-государственного. Поэтому для обозначения науки, изучавшей нетождественные политические отношения в архаических обществах, применялся термин «потестарно-политическая этнография», который, по существу, был синонимом «политической антропологии». Это направление исследований в советской этнографии связано с деятельностью Л. Е. Куббея, в работах которого термин «потестарность» получил обоснование для характеристики неполитической власти в первобытных обществах [20]. Данный термин используется и в современных трудах по политической антропологии [8, 30].

Работы российских этнологов и антропологов интересны тем, что носят сравнительный характер и выходят на современную проблематику. Так, В. В. Бочаров опубликовал ряд работ, в которых рассматриваются проблемы взаимодействия традиционных властно-управленческих структур с политико-административными структурами современного типа, а также механизмы функционирования посттрадиционной власти и ее идеологии. В. А. Тишков исследует этнокультурные факторы авторитаризма. Их работы имеют большое значение для политологии, так как выводят на сравнительный антропологический анализ функционирования власти и развития политического процесса в современном обществе. Оригинальным исследованием стала монография политологов В. В. Ильина, А. С. Планина, Д. В. Вадского, в которой рассматриваются современные политические процессы функционирования государственной власти, ее легитимации, политической социализации личности через антропологический подход [13].

В самом широком смысле антропология – это совокупность научных знаний о природе человека и его деятельности. В современной антропологии выделяются два больших направления: физическую антропологию, изучающую проблему происхождения человека, и социальную антропологию.

Социальная антропология формируется еще в XIX в. Первая кафедра социальной антропологии была создана в 1908 г. при Ливерпульском университете Дж. Фрезером. Уже в рамках социальной антропологии проводились исследования политогенеза и возникновения государства. Социальными антропологами, которые рассматривали политические феномены с точки зрения их генезиса, были Г. Мейне «Ancient Law» (1861) и Л. Г. Морган «Древнее общество» (1877). Мейне в исследовании индоевропейских институтов выявил две «революции» в становлении общества: 1) переход от обществ, основанных на статусе, к контрактным обществам; 2) переход от обществ, структурированных по принципу родства, к организациям

«глокальной смежности» — базису общего политического действия. Что касается Моргана, то именно он, считают политические антропологи, создал основное контрвещу, которая будет в дальнейшем воспроизводиться в антропологии [33, с. 1]. Морган выделил два вида правления — первый, основанный на чисто личностных связях (*societas*); второй вид основан на территориальном единстве и собственности (*civitas*). Расуждения Моргана приводили к выводам о том, что значительная часть древних, архаических обществ лишалась политической организации и политической власти.

Ф. Энгельс использовал идею Моргана о переходе от родоплеменных отношений через «военную демократию» к классовому обществу и государству. Современные политантропологи отмечают, что труды Маркса и Энгельса включали также наброски по экономической антропологии, связанные с выявлением «азиатского способа производства» и политической антропологии в связи с рассмотрением «восточного деспотизма» и его исторических проявлений. У Маркса и Энгельса можно найти не только обоснование стадийно-поступательного развития человечества как перехода от одной общественно-экономической формации к другой (моновиднейшая эволюция), но и идеи многолинейной (мультилинейной) социально-политической эволюции. Так, К. Маркс писал о трех формах становления государства: азиатской, античной и германской. Ф. Энгельс высказал предположение о двух путях становления государства — восточном и античном.

Непосредственно политическая антропология как отрасль политической науки постепенно начинается после 1920 г. Проблематика остается прежней — вопросы возникновения властной доминации как социального господства, тезисы политики и раннего государства. Но используются новые результаты этнографических наблюдений. Одной из важных составляющих антропологического исследования политики стало изучение механизмов власти и институтов контроля в обществах, которые были основаны на практике колониального управления.

Основание *современной* политической антропологии связано с именем британского исследователя Э. Эванса-Питчарда и его работами о политических системах и институтах власти архаических обществ Африки. В 1940 г. в совместной редакции Э. Эванса-Питчарда и М. Фортеса вышел труд книга «Африканские политические системы» — первое исследование, которое в полной мере можно отнести к политической антропологии. Именно эта работа придала политической антропологии научный статус, произошло «официальное рождение» дисциплины.

В. В. Бочаров считает, что общественно-историческая предпосылка возникновения политической антропологии обусловлена необходимостью эффективного управления колониальными народами, у которых «политическая сфера как специализированная область человеческой деятельности

либо вовсе отсутствовала, либо была представлена в едва заметной форме» [9, с. 39]. Для изучения специфики властных отношений у этих народов потребовались новые методы исследования и новые научные направления. «Колониальные народы стали своего рода испытательным полигоном, на котором «обкатывались» различные теоретические концепции колониального управления, основанные на материале антропологических исследований [9, с. 40]. Этот прикладной аспект политантропологических исследований был четко сформулирован Б. Малиновским, который считал, что традиционные институты власти должны стать не просто частью колониальной управленческой машины, но «жизнеспособной ее частью, что дало бы возможность направлять энергию и способности туземцев на сохранение и развитие собственных институтов» [цит. по: 10, с. 40].

После Второй мировой войны начинается интенсивный рост антропологических исследований, которые опирались на богатый фактический материал, нуждающийся в обобщении и теоретическом осмыслении. В социальной антропологии сформировались три влиятельных методологических направления: британский функционализм (Б. Малиновский, Э. Эванс-Питчард, А. Рэйклифф-Бреун), французский антропологический структурализм (К. Леви-Стросс) и американский неэволюционизм (Л. Уайт, Д. Стоард, М. Салинг, Э. Сервис).

Благодаря использованию методологии функционального анализа институты в традиционных обществах перестали восприниматься как «дикость» и «пережитки прошлого», а стали приниматься как необходимые и существенные институты политического процесса, связанного с управлением колониальными, а затем и постколониальными народами.

Французский структурализм развивался под воздействием работ К. Леви-Стросса. Французские политические антропологи обращали особое внимание на взаимосвязь социально-экономических и политико-властных отношений, широко использовали понятие «способ производства» для анализа определенных структур древних народов, расширяя количество «способов производства» в архаических обществах; они возродили дискуссию вокруг азиатского способа производства. Ж. Баланде одним из первых поставил проблему адаптации традиционных институтов к современным условиям не только как практически-управленческую, но и как проблему, требующую теоретического осмысления.

Возникновение американского неэволюционизма в 1950-е гг. было обусловлено необходимостью синтезировать и обобщить накопленный эмпирический материал, выявить причины социокультурных изменений. Неэволюционисты выходили на серьезные теоретические обобщения — это «теории среднего уровня», моделирующие эволюционные процессы и выходящие на обоснование закономерностей (законы культурной до-

минанты и потенциала развития). Если Д. Уайт последовательно обосновывал одностороннюю эволюцию (1959), то Д. Стюарт внес вклад в концепцию многолинейной эволюции (1955).

В теоретико-методологическом плане особое значение имела работа М. Салинза и Э. Сервиса «Эволюция и культура» (1960). «Данная книга, — пишет Х. Классен, — заложила основы последующего доминирования в области социального эволюционизма на протяжении почти двадцати лет». «Главная составляющая подхода М. Салинза и Э. Сервиса... описание общих типов социальнo-политической организации, которые предполагаются в порядке увеличения сложности и составляют эволюционную последовательность» [16, с. 3–4]. Концепция сложности стала центральным пунктом многих исследований в области социальной и политической антропологии. Американский неозволюционизм также большое внимание уделял типологии политического лидерства, изучению вождества, теориям происхождения государства.

Изучение властегенеза и политогенеза в исследованиях политических антропологов имеет свою специфику. Главное внимание уделяется происхождению и долгосрочной эволюции власти в истории человечества, генезису политического и государственного, первым проявлением государства. Этот подход называют *генетическим*. Ж. Баландье отмечал, что генетический подход был первым в истории дисциплины (в частности, исследования В. Маклида (1924) и Р. Лови (1927)).

Так же как в политологии, в политической антропологии власть является предметом особого исследования с точки зрения ее имманентности любому обществу: и «архаическому» и «историческому». Сохранение общества как стабильного и функционального целого предполагает наличие структурно оформленных институтов обеспечения социального порядка. Эти институты включают широкий круг формальных и неформальных явлений, начиная от традиций, обычаев, привычек до официальных институтов власти, обеспечивающих стабильность и управляемость общества.

Среди антропологов достаточно широко распространены энергетические трактовки власти. Р. Адамс, создавший энергетическую концепцию власти, подчеркивает, что любое человеческое сообщество — это открытая энергетическая система, которая стремится к уменьшению внутренней энтропии. Эффективнее этот процесс происходит в тех системах, которые способны оптимизировать механизмы использования энергии. Концентрация власти у немногих — это одновременно и усиление их контроля над энергетическими потоками, что, с точки зрения Р. Адамса, способствует успешной энергетической адаптации общества к внешней среде [42]. Постепенно в процессе социальной эволюции контроль над энергией приобретает централизованный иерархический характер. «Централизованная

организация перераспределения является энергетической основой стратификации и вождества» [18, с. 68]. Р. Адамс вводит понятие «автокатализаторы». Это факторы, которые способствуют сохранению контроля над энергией в руках немногих. К таким «автокатализаторам» относятся передача богатства по наследству, наследство по крови, символическая стратификация, сакрализация правителя. В. В. Ботаров отмечает, что «все эти явления возникали и вступали в действие непрерывно до того, как могло появиться вождество. К тому же вполне возможно, что время от времени вождество «изобретали» заново и с разными «автокатализаторами» [9, с. 44]. Исходя из энергетической концепции, Р. Адамс определяет власть как способность контролировать обстоятельства и объекты, представляющие интерес для других.

Ж. Баландье также подчеркивается энергетического понимания власти. В его определении власть есть «результат необходимости для всякого общества бороться против энтропии, которая угрожает ему беспорядком — как она угрожает всякой системе» [4, с. 43].

Политическая антропология ориентирована на исследование *природных и культурных* факторов, которые повлияли на возникновение и развитие властных отношений. К этим факторам относят территориальное поведение (контроль над пространством; интимная часть пространства, индивидуальное пространство, территория всего сообщества), разделение (идентификация) «своей — чужой»; агрессивность и способы контроля за ее проявлением, «канализация» агрессивности; половое неравенство; возрастное неравенство; неравенство и иерархия; социальная стратификация.

Политические антропологи широко используют исследования в области социобиологии и даже этологии [5]. В частности, теоретические выводы социобиологов об особенностях территориального поведения, организации контроля над пространством и его приспособлением под собственные нужды. При изучении генезиса власти предметом исследования становятся формирование идентификации в модели «своей — чужой», а также проявление агрессивности и формирование механизмов контроля над ней (К. Лоренц).

Интересные исследования, расширяющие предмет политической антропологии, были проделаны французским антропологом М. Оже, который изучал формирование представлений «своей — чужой» в европейских либеральных обществах. В работах «Этнолог в метро» (1986), «Бой объект» (1988), «Поместья и замки» (1989), «Смысл другого» (1994) М. Оже отмечает, что в европейском обществе протекают новые процессы, в частности исчезает способность терпеть различия. Антропологические исследования, проведенные на современном европейском этнографическом материале, раскрывают истоки нарастания регионализма, национализма,

«этнических чисток», угнетения «чуждостью», различием [33, с. 1]. Оже является одним из антропологов, выходящих за пределы «экзотических» обществ и работающих с современными этнографическими, социкультурными и политическими явлениями антропологическими методами.

Особое внимание политические антропологи уделяют выявлению неравенства как одному из важнейших истоков власти. Из социального неравенства возникают властные отношения, как доминирование одних над другими в целях осуществления управления жизнедеятельностью общества. Изучая неравенство в архайческих, догосударственных обществах, антропологи обращают внимание на истоки формирования полового неравенства, его дальнейшую трансформацию в социальное и политическое господство мужчин и гендерное угнетение женщин. В рамках вопроса о половом неравенстве значительное место занимает концепция матриархата. Данная теория стала популярной с середины XIX в. в основном благодаря трудам И. Я. Бахофена «Материнское право» (1861) и «Древнее общество» Л. Г. Моргана. Современные исследования антропологов доказывают лишь существование матрилинейности – т. е. ответ рода и наследование по материнской линии, но не системное существование матриархата как социально-властного господства женщин. Данные выводы используются в антропологии феминизма, а также при изучении современной проблематики гендерного различия, неравенства, угнетения.

При изучении генезиса власти политантропологи внесли огромный вклад в понимание развития властных отношений: возрастное неравенство и власть; родство и власть; социальная стратификация и власть, религия и власть. Примером могут служить работы французских антропологов Ж.-В. Лавьера «Эссе об основных политических властях» (1968), «Жить без государства?» (1977), «Политическая власть и языки» (1988), М. Голдере «Кинест, родство, власть» (1990).

Политогенез, т. е. становление и эволюция политической организации в человеческом обществе, – одно из главных направлений в исследованиях политантропологов. Особенно важным является выяснение вопроса о том, под воздействием каких факторов неполитическая власть стала политической и как одни формы политической организации трансформировались в другие. Американский антрополог Э. Сервис выделил следующие этапы политогенеза: локальные бродячие группы (bands) – общины и племена (tribes) – стратифицированное общество (вождество) – раннее государство [35]. Локальные группы имели эгалитарную общественную структуру, власть была представлена аморфным руководством отдельных авторитетных лиц. В общинах и племенах возникают системы возрастных классов, власть представлена институтом межобщинного лидерства. В стратифицированном обществе рядовые общинники отстраняются от при-

ятия решений, власть функционирует как вождество, основанное на контроле за ресурсами и перераспределении прибавочного продукта. С возникновением государства центральная власть получает монополию на легитимное применение насилия.

Эта схема развивалась и уточнялась многими антропологами. М. Фрид в работе «Эволюция политического общества» (1967) выделил следующие этапы социально-политической эволюции: 1) *эгалитарное* общество с отношениями реципрокации (перераспределение продукта по горизонтали) и половозрастной дифференциации; 2) *ранжированное* общество, в котором повышается редистрибуция (перераспределение продукта по вертикале) и основанная на престиже стратификация; 3) *стратифицированное* общество, в котором деление на статусные группы дополняется неравенством в доступе к основным ресурсам – вождество; 4) появление раннего государства (возникают классы и частная собственность) [44].

При всем разнообразии в современной политической антропологии различные теории политогенеза имеют общие черты. Основано, что трансформации социальной власти связаны с усложнением общества, его социальной структуры и изменением в распределительных отношениях, в контроле за ресурсами. Переход от реципрокации к редистрибуции связан со стратифицированным обществом и возникновением вождества, при котором происходит монополизация доступа к правлению и контролю над производством и распределением. Суперсложное вождество – это кочевые империи – реальный прообраз раннего государства.

Н. Н. Крадин, исследуя генезис и эволюцию власти в архайческих обществах, делает вывод, что трансформации власти были связаны с расширением функций, которые выполняли носители власти. К основным функциям, которые способствовали сосредоточению и укреплению власти в руках определенных лиц, относятся организационно-управленческая, перераспределенческая (начиная с дарообмена), военно-организационная функции, контроль над ресурсами, обменом и торговлей, ремесленным производством [19].

Важнейшее значение для укрепления статуса носителя власти, считает Н. Н. Крадин, имела «идеологическая» функция. Под идеологией политические антропологи обычно понимают «комплексную целостность идей, которые направляют поведение людей» (Х. Классен) [16, с. 19]. Идеологическая функция направлена на легитимацию власти через ее сакрализацию. Для этого необходимо было монополизировать «воображаемые» средства производства в виде исключительного права общаться с духами, сакральными силами. Наделение властителя сакральными функциями по мере развития общества происходит с присвоением ему полномочий в ритуальной власти. Особенно это явление наблюдается во время перехода

к вождеству. Легитимность власти опосредовалась причастностью к «божественному», в силу чего высший статус и реальная власть оказывались сакрально детерминированными. В западной литературе по политической антропологии актуальными в одних руках власти предполитической и ритуальной считается основным признаком вождества. Родоначальником данной концепции стал А. Р. Рэдклифф-Браун. Массовое сознание ориентируется на сакрального вождя. Такая сакрализация возникает как реализация архетипа правителя-спасителя.

Собранные и обобщенные политантропологами материалы дают возможность проследить возникновение и формы трансформации лидерства. Наиболее ранним примером лидерства в архайческих (раннеземледельческих) обществах является институт бигмена, изученный на материалах из Меланезии, Юго-Восточной Азии, Северной Америки. Принципиальное отличие власти бигмена от вождества – ненаследуемый характер общественного статуса. Обнаружение вождества (chiefdom) явилось настолько значительным открытием политической антропологии, что его, считают политантропологией, можно назвать революцией в управленческой теории. Такое общество было впервые описано Д. Стюардом, а сам термин в научный оборот ввел К. Оберг в работе «Типы социальных структур среди низинных племен Южной и Центральной Америки» (1955).

Власть «вождества» в надобщинной организации опиралась на простую экономику, принцип редистрибуции, дарообмена, на клановые связи с укреплением позиции конического клана, иерархией и неравенством. Основной чертой, отличающей вождество от всех предыдущих форм организации власти, является закрепление ее наследственного характера за численно и социально ограниченной группой лиц, связанных родственными узлами с вождем. Экономически вождество возникает только тогда, когда имеются устойчивые условия роста прибавочного продукта.

Вождество основано на принципе ранжирования, различия в социальном статусе людей, престиж и социальный ранг которых определяются близостью к вождю. Существует иерархическая система принятия решений и институтов контроля. По мере укрепления вождества роль личных заслуг и индивидуальных качеств постепенно отходит на задний план, уступая место деперсонализованному авторитету. Вождество – это один из уровней социокультурной интеграции, который характеризуется наличием надлокальной централизации. В социально-экономическом плане вождество опирается на социальную стратификацию, ограниченный доступ к ключевым ресурсам, возникают тенденции к формированию властной элиты в закрытое сословие.

Вождество генетически близко связано с процессом возникновения раннего государства. Уже в вождестве происходит формирование властных

институтов, отделенных от населения. Вождество есть политический институт, посредством которого небольшая социальная группа может вызывать свою волю другим группам, и одновременно институт, отражающий общество от действий, представляющих угрозу его стабильности. Однако вождество еще не обладает легитимной монополией на применение физического насилия.

Этнографический материал подтверждает многофакторность и вариативность возникновения раннего государства у разных народов. Х. Классен и П. Скальник в работе «Раннее государство» (1978) стремились выявить, какие факторы и почему приводят к усложнению властных институтов общества. Им были выделены шесть факторов, тесно связанных с появлением и последующим развитием государства: рост населения, война, завоевание, идеология, производство избыточного продукта и влияние уже существующих государств. Эти факторы варьировались в разных сочетаниях и проявлялись в политогенезе с разной степенью интенсивности. При этом «идеология и производство избыточного продукта рассматривались как необходимые условия: без их позитивного влияния развитие более сложных форм политической организации не представлялось возможным» [15]. В дальнейших работах «Изучение государства» (1981), «Развитие и упадок» (1985), «Идеология и появление ранних государств» (1996), которые были опубликованы Классеном с разными соавторами, происходило уточнение определяющих факторов политической эволюции. Из шести факторов обоснованно необходимыми стали всего три: господство и контроль над экономикой, социальный формат (численность населения, демографическое давление на территорию, пространственное распределение населения), идеология. Эти факторы в *комплексном взаимодействии* и направляют социально-политическую эволюцию. Возникающие политические структуры имеют свой собственный импульс движения и интенсивно взаимодействуют с другими факторами [15].

Х. Классен обращается к старой дилемме: однолинейный или многолинейный характер имеет социально-политическая эволюция. Эта дилемма четко обозначалась еще в 1950-е гг. в позициях Д. Уайта и Д. Стюарда. Х. Классен отмечает, что исследование в области социального и политического эволюционизма сохраняют актуальность. Определение эволюции в категориях нарастания степени сложности и однолинейности развития (например, работы Р. Карнейро) [43] отражает не все многообразие культурной эволюции. Классен предлагает понимание эволюции как процесса структурной «качественной реорганизации общества» [16, с. 10], в результате которой возникает форма или структура, качественно отличающаяся от предыдущей формы (принцип структурного изменения).

Вопрос о причинах и путях становления государства остается одним из самых дискуссионных. Сохраняют актуальность дискуссии о двух

основных путей формирования государств: восточном (государственном/азиатском способе производства) и западном (европейском).

Ю. В. Павленко построил две модели образования государства, увязав экологию, экономику с размерами и степенью сложности общества. Первая модель (небольшое государство Древнего Востока) была характерна для субтропиков, плодородных районов, где не нужны были железные орудия труда, большое количество прибавочного продукта могло быть получено на небольшой территории, а власть осуществлялась теократической и административно-управленческой элитой. Эта модель соответствует точечным ранним государствам, которых отличали небольшая территория и сравнительно высокая плотность населения. Вторая модель была характерна для умеренных экологических зон, где были необходимы железные орудия труда для ведения земледельческого хозяйства, большие территории для производства достаточных для поддержания мощи государства продуктов питания, и следовательно, власть основывалась на объединяющей силе вождя. Это соответствует территориальным ранним государствам в виде крупных политических общностей с экономической самостоятельностью и обособленностью отдельных провинций [25].

Один из ведущих современных французских антропологов М. Гodelье в фундаментальной работе по проблемам политогенеза «Государство: процесс формирования, разнообразие форм и оснований» (1980) стремился определить возможные условия дифференциации общества на господствующую и подчиненную группы. Особое значение для понимания механизма властеотношений имеют выводы Гodelье о формировании власти как господства. Господство включает в себя насилие господствующих и согласие подчиненных с господством. Причем главным является фактор согласия. Гodelье, таким образом, выходил на проблему легитимности, без которой невозможно социальное господство. В коллективном бессознательном действительность господствующих представляется как служебная по отношению к подвластным, на этой основе возникает согласие, основанное на признании необходимости в разделение общества и господстве одних над другими.

В литературе по проблемам социально-политической эволюции выделяются два основных подхода к пониманию генезиса государства – интегративный и конфликтный. Согласно интегративному подходу возникновение государства – это следствие организационных нужд, с которыми вождество не может справиться. С точки зрения интегративного подхода государство обладает более сложной экономической и социальной инфраструктурой – развитое ремесло, торговля, строительство, урбанизация. В нем происходит взаимный обмен услугами между элитой и массами – налоги в обмен на охрану и благосостояние. С точки зрения конфликтной

теории государство – это средство стабилизации общества, предотвращения конфликтов в борьбе между различными группами за ресурсы жизнеобеспечения.

Политическая антропология существенно повлияла на изучение социальных и политических институтов, применительно к современному обществу. В антропологической теории социальных институтов А. Леленгом и Х. Шельски обосновывается положение о том, что социальные институты разгружают человека от бремени решения насущных проблем, человек получает уверенность в жизни, исполнение потребностей становится для него самоочевидным. Институты бигмена, вождества, раннего государства способствовали повышению социального порядка, управленности и стабильности общества.

Власть в обществе поддерживается благодаря многим факторам, в числе которых религия, идеология, мифология и символика. Политические антропологи внесли существенный вклад в изучение механизмов сакрализации власти, прояснению роли символов и ритуалов в утверждении и закреплении социального господства. Изучение сакральных аспектов функционирования власти способствует пониманию современных процессов в области политической символики. Дж. Фрезер стал инициатором работ, проясняющих отношение между магией, религией и властью (отношение власти к священному) [38].

Представители феноменологической школы считают, что сакрализация является естественным механизмом воспроизводства культуры и коренится в самой природе человека, который испытывает необходимость в «транцендировании» своего биологического существования. *Animal symbolism* – такое определение человека, позволяющее отразить сущность человеческой природы, предложил Э. Кассирер.

В политической антропологии, социологии и политологии накоплен большой фактический и теоретический материал в области изучения сакральных символов и ритуалов; предприняты попытки исследовать архаические пласты человеческого сознания, систематизированы и обобщены древние мифологические тексты (Дж. Фрезер, К. Леви-Стросс, Л. Леви-Брюль, Дж. Кэмпбелл, К. Хобнер и др.).

Современная проблематика легитимации господства имеет связь с антропологическим подходом к изучению священного и власти. Обожествление носителя верховной власти – общий признак мифов различных народов мира. Сакральность власти связана и со способностью правителя выполнять определенные функции. В целом сакральный характер власти – типичная черта правителя предгосударственного и раннего государственного общества. Политическими антропологами был проделан кропотливый анализ структуры 21 раннего государства, в результате выявлено, что

в 18 из 19 случаев правителя наделили сверхъестественным статусом; в 17 из 19 случаев генеалогически связывали их с богами; в 14 из 16 случаев правитель выступал посредником между миром людей и миром богов; в 5 из 18 случаев правитель раннего государства имел статус верховного жреца [18, с.105].

М. Блок в новаторском труде «Короли-чудотворцы» (1924) исследует истоки сакральности власти, популярности «королевского чуда» и объясняет, как формируется подобная вера. М. Блок стремился отыскать истоки коллективной психологии, которые активизируются в связи с верой в королевский дар совершать чудо. Он создает модель исследования политических ментальностей, которая, примененная к одному, оригинальному по своей природе, явлению, подходит для изучения общих форм ментальности. «Короли-чудотворцы» стали классической работой по политантропологии западного средневековья.

Ж. Ле Гофф продолжает исследовательские традиции М. Блока. Он раскрывает значение политантропологического подхода для понимания развития политических ментальностей, ритуалов, форм поведения. По мнению Ж. Ле Гоффа, высказанному в предисловии к современному переизданию книги М. Блока, можно говорить о формировании единой исторической политической антропологии. Изучая средневековую цивилизацию Запада, Ж. Ле Гофф отмечает, что «мышление символами» занимало особое место во всем ментальном оснащении общества. Символизм был универсальным, мыслить означало вечно открывать скрытые значения, непрерывно «священнодействовать» [21]. Сакрализация выполняет важные функции: способствует консолидации общества, посредством ее устраняется противоречие между привилегированной верхушкой и остальной частью населения. Происходит, с одной стороны, сакрализация того порядка, который считается приемлемым, необходимым, с другой стороны – обращение к силе, способной навести и поддерживать этот порядок.

Традиционное и харизматическое господство тесно связаны с сакрализацией власти. Традиционное господство основывается на убеждении в священности и непоколебимости традиций. Власть персонафицирована, отношения господства строятся на личной преданности господину. В архаических обществах, отмечают антропологи, принуждение не использовалось в общепринятом смысле слова как физическое принуждение. Подчинение достигалось психологическими методами и представляло собой подчинение традициям, выраженной в обрядовых действиях. Г. Спенсер писал, что «обряды должны обладать самой глубокой древностью, ибо все дифференцированные виды контроля обладают ими» [36, с. 313]. Спенсер вводит понятие «обрядовое правительство» [36, с. 314]. Правительство обрядов, обычаев и общественных церемоний было самым ранним и самым общим видом правительств.

Обряды и ритуалы в политике – это комплексы социально санкционированных форм поведения, символически воплощающие цели, ценности, нормы социально-политической жизни, интегрирующие, мобилизующие членов сообщества на осуществление практических задач. Современные авторы рассматривают ритуал с точки зрения психолингвистической теории. Ритуал (символ-действие) создает психологический эффект. Эмоциональные состояния участников включаются в единое русло коллективных переживаний, формируя общее психологическое состояние. Политический ритуал позволяет объективировать организационные формы взаимодействия, регулировать взаимоотношения разных частей общества, поддерживать внутреннюю иерархию, идентифицировать себя с группой, лидером, организацией.

В современных условиях демократии, свободы слова, функционирования средств массовой информации – сферы осуществления власти все также окружены ореолом таинства, который создается набором символов и ритуалов. Одним из самых известных и значимых остается инаугурация властителя. В настоящее время это торжественная церемония передачи символов власти или наделения властным статусом при вступлении в должность. Первоначальный смысл данного ритуала, связанный с преданием правителю сакрального статуса, утрачен, но остается символическое придание новому обладателю высшей государственной власти особого статуса, значимости, легитимности [18, с.105].

В ранних обществах обретение новых властных полномочий всегда сопровождалось своеобразным конкурсом, соревнованием, т. е. процедурой тестирования кандидата. В целом проверка кандидата должна была вылить – достоин ли он ответственности. Но смысл процедуры обретения нового статуса не только в символической передаче власти. Он связан и с глубинным массовым сознанием. Это символический процесс своегообразного возвращения к «началам», как наделение власти законностью и легитимностью снова и снова.

Антропологические исследования позволяют сделать обоснованные выводы о том, что символика власти является сущностной чертой политического. Возникновение политической символики, содержание символов, их идейное наполнение уходит глубокими корнями в историю, культуру, традиции, коллективное бессознательное архаических времен. Знаково-символическая система содержательна, придает упорядоченность смысловому пространству власти.

Способность символов убедительным образом указывать особую «сакральную» сущность власти выступает как действенное средство ее легитимации. Использование политических символов не является, таким образом, какой-то частной, эгоистической стратегией властвующих групп;

причины символической политики залегают гораздо глубже, в самой структуре общественной психологии [29]. В политике у символа власти имеется постоянное значение. Он показывает наличие у обладателя властных полномочий, особого статуса.

Политическая символика выполняет три основные функции: номинативную, информативную и коммуникативную. О. А. Соловьёва на примере среднеазиатского материала выделяет следующие виды символических знаковых систем: территориальные, вербальные, звуковые, поведенческие, вещественные, астрологические [34]. Этнографические материалы раскрывают тенезис политических символических знаковых систем, которые возникли в архаических обществах и сохранились до настоящего времени. Значение символа для выраживания иерархии стало использоваться только в сложных обществах (вождество, ранние государственные образования). Маркировка властных отношений происходила здесь с целью обозначить место, которое индивид или группа занимают в иерархии власти. И в современных обществах маркировка как обладание какими-то исключительными символами и знаками, наделёнными правом властвовать, продолжает существовать.

Смысловая нагрузка символа раскрывается в процессе общения в рамках определенной культурной среды. Коммуникативная функция символов способствует интерации людей, она объединяет их через подосознание, воздействуя на психологические механизмы. Символ также выполняет функцию регуляции общественных отношений и поведения. Символы играют большую роль и в вопросе подчинения существующему иерархическому порядку. Различия между властвующими и подвластными предполагают определенную асимметрию поведения. Формой такой асимметрии в архаическом обществе являлись запреты, табу. Табу как символ выступает важной составляющей в выражении функциональной иерархии. Еще Аристотель отмечал, что когда одни властвуют, а другие находятся в подчинении, появляется стремление осуществить различие между теми и другими в их внешнем облике, в их речах и знаках почета. Признак поведенческой асимметрии является практически обязательным символом власти, воспринимаемый как таковой на уровне бессознательного. Эта асимметрия сохраняется и в условиях современного политического порядка.

История становления и развития политической антропологии показывает, что данная научная дисциплина имеет глубокую связь с философской антропологией, социальной психологией, теорией человеческого фактора в управлении. Изучая «человека политического», антропология раскрывает его как субъекта «политического творчества», показывает, что человек как субъект политики отлагается широким диапазоном мотиваций,

связанных с самыми разнообразными интересами. Интересы закрепляются в системе символов, установок, навыков, менталитете и формируют определенный тип политической культуры, которая отличается устойчивостью и может воспроизводить глубинные политические архетипы, влияя на современный политический процесс. Пласти архаичных институтов продолжают пронизывать современную культуру. Родовые, патрон-клиентские связи сохраняются в современной политике, государственная символика и власть до сих пор имеют сакральное восприятие, а от политических лидеров продолжают ожидать «чуда».

В ходе изучения природы политического, вопросов эволюции и функционирования политических систем, явлений в историко-культурном контексте можно сделать вывод о том, что политическая антропология по-прежнему выявляет механизмы и закономерности в политической сфере ранних государств и, следовательно, лучше понять, как строится и действует политика в современном обществе. Ж. Блондель отмечает, что политическая антропология поднимает вопросы глубокого *теоретического уровня*, сравнимого с уровнем политической философии. В частности, вопрос о *сущности политического*.

Важнейшими теоретическими обобщениями в области политантропологии знания стали выводы о том, что специфические политические структуры возникали в примитивных обществах задолго до возникновения государства. Исследования политических антропологов позволили отделить политическую теорию от теории государства [4, с. 11]. Фундаментальным выводом антропологов стало утверждение, что возникновение форм раннего государства не является автоматическим следствием существования сословий и классов. Антропологи изучили ряд обществ, где есть сословно-классовое деление, но нет государства.

Изучение народов Африки, Азии, Америки, Австралии, которые стояли на догосударственном уровне развития, позволило выйти на более объективные и универсальные основы возникновения политической власти и политических институтов, приблизиться к созданию мировой политической истории и мировой политической мысли.

Вопросы, которые поднимает современная политическая антропология, актуальны для политологии. Это проблемы статистики и упадка социально-политических институтов; подобию и идентичности институтов и процессов; соотношения структуры и процесса, и «вечный вопрос причин, приводящих к тем или иным изменениям» [16, с. 22]. Характеристика, данная политической антропологии Ж. Баландре как «динамической и критической» науке, отвечает ее современному состоянию, уровню развития и влиянию, которое она оказывает на политическую науку в целом.

Библиографические ссылки

1. *Абеле, М.* Политическая антропология: новые задачи, новые цели / М. Абеле // *Международный журнал социальных наук*. – 1998. – Т. IV. – № 20. – С. 28–43.
2. *Альтернативные пути к ранней государственности / отв. ред.: Н. Н. Крадин, В. А. Лышца. – Владивосток: Дальневосток, 1995. – 216 с.*
3. *Антропология власти: хрестоматия по политической антропологии. Т. 1: Власть в антропологическом дискурсе. – Изд-во С.-Петербурга. ун-та. 2006. – 490 с.*
4. *Баланда, Ж.* Политическая антропология / Ж. Баланда. – М.: Научный мир, 2001. – 204 с.
5. *Висемилко-социальный и антропоцентрический блок знаний о власти [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levebel.ru/122713/22761>. – Дата доступа: 09.03.2010.*
6. *Блок, М.* Короли-чужаки. Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и Англии / М. Блок. – М.: Шк. «Яз. рус. культура», 1998. – 709 с.
7. *Бочаров, В. В.* Власть и символ / В. В. Бочаров // *Символы и атрибуты власти* / под ред. В. А. Попова. – СПб.: МАЭ РАН, 1996. – С. 15–37.
8. *Бочаров, В. В.* Истоки власти – потестарность / В. В. Бочаров. – СПб., 1997. – 296 с.
9. *Бочаров, В. В.* Политическая антропология / В. В. Бочаров // *Журнал социологии и социальной антропологии*. – 2001. – Т. IV. – № 4. – С. 37–65.
10. *Бочаров, В. В.* Политическая антропология и общественная практика / В. В. Бочаров // *Журнал социологии и социальной антропологии*. – 1998. – Т. I. – № 2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.soc.ru/publications/issn/1998/2/9bocna2.html>. – Дата доступа: 09.03.2010.
11. *Вольфим, Д.* Антропологические основы политического развития [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.volsova-sloboda.org/antwor/wolfe-wolfe-09.html>. – Дата доступа: 12.03.2010.
12. *Гринин, Л. Е.* От раннего к зрелому государству / Л. Е. Гринин // *Раннее государство, его альтернативы и аналогии: сб. ст. / под ред. Л. Е. Гринина, Д. М. Бондаренко, Н. Н. Крадина, А. В. Коротаева. – Волгоград: Учитель, 2006. – С. 523–556.*
13. *Ильин, В. В.* Политическая антропология / В. В. Ильин, А. С. Панарин, Д. В. Бадковский. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1995. – 254 с.
14. *Карнейро, Р. Л.* Теория происхождения государства / Р. Л. Карнейро // *Раннее государство, его альтернативы и аналогии: сб. ст. / под ред. Л. Е. Гринина, Д. М. Бондаренко, Н. Н. Крадина, А. В. Коротаева. – Волгоград: Учитель, 2006. – С. 55–70.*
15. *Классен, Х.* Проблемы, парадоксы и перспективы эволюционизма / Х. Классен [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sj.oblig.pl/article/525>. – Дата доступа: 16.09.2010.
16. *Классен, Х.* Эволюционизм в развитии / Х. Классен // *История и современность*. – 2005. – № 2. – С. 3–22.
17. *Крадин, Н. Н.* Власть в традиционном обществе / Н. Н. Крадин // *Социологический журнал*. – 2002. – № 4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sj.oblig.pl/article/525>. – Дата доступа: 09.03.2010.
18. *Крадин, Н. Н.* Политическая антропология / Н. Н. Крадин. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Лотос, 2004. – 272 с.
19. *Крадин, Н. Н.* Политическая антропология / Н. Н. Крадин. – Режим доступа: <http://lib.litsec.ru/187525/read>. – Дата доступа: 09.10.2010.
20. *Кубель, Л. Е.* Очерки потестарно-политической этнографии / Л. Е. Кубель. – М.: Наука, 1989. – 269 с.
21. *Ле Гофф, Ж.* Средневековый мир воображаемого / Ж. Ле Гофф // *К формированию политической антропологии / Ж. Ле Гофф. – Гл. 4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.krotov.info/lib/sec/04/le/goft/02.html>. – Дата доступа: 10.03.2010.*
22. *Левин-Стросс, К.* Первобытное мышление / К. Левин-Стросс. М.: Республика, 1999. – 384 с.
23. *Малиновский, Б.* Избранное: Динамика культур / Б. Малиновский. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – 959 с.
24. *Морган, Л. Г.* Древнее общество, или Исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации / Л. Г. Морган. – Изд-во народов Севера, 1935. – 350 с.
25. *Павленко, Ю. В.* Пути становления раннеклассовых социальных организмов / Ю. В. Павленко // *Исследование социально-исторических проблем в археологии* / под ред. С. В. Смирнова. – Киев, 1987. – С. 72–85.
26. *Политическая антропология // Дэвид Д., Джерри Дж. Большой толковый словарь [Электронный ресурс]. – 2001. – Режим доступа: <http://www.volsova-sloboda.org/567/world/Sociologia>. – Дата доступа: 10.03.2010.*
27. *Политическая антропология – справочник [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.33333.ru/volsova/glossary.php>. – Дата доступа: 10.04.2008.*
28. *Попов, В. А.* Символы власти и власть символов / В. А. Попов // *Символы и атрибуты власти* / под ред. В. А. Попова. – СПб.: МАЭ РАН, 1996. – С. 9–37.
29. *Почерев, С. И.* Символическая политика: констелляция понятий для подхода к проблеме / С. И. Почерев // *Полис*. – 1999. – № 5. – С. 62–75.
30. *Потестарность. Генезис и эволюция / В. В. Бочаров [и др.]; под общ. ред. В. В. Бочарова. – СПб.: МАЭ РАН, 1997. – 214 с.*
31. *Раннее государство, его альтернативы и аналогии. – Волгоград: Учитель, 2006. – 559 с.*
32. *Рэдклифф-Бреун, А. Р.* Структура и функция в примитивных обществах. Очерки и лекции / А. Р. Рэдклифф-Бреун. – М.: Издат. фирма «Восточная литература», РАН, 2001. – 304 с.
33. *Соколова, Л. Ю.* Сравнительный метод во французской политической антропологии / Л. Ю. Соколова // «*Ратадигма*». Журнал сравнительной философии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ratadigma.petrod.ru/01/sokolova.html>. – Дата доступа: 12.09.2010.
34. *Соловьева, О. А.* Символы, символические знаки и знаки власти (на средне-византийском материале) / О. А. Соловьева // *Символы и атрибуты власти* / под ред. В. А. Попова. – СПб.: МАЭ РАН, 1996. – С. 38–45.
35. *Сервис, Э.* О происхождении государства и цивилизации / Э. Сервис // *Сравнительное изучение цивилизаций: хрестоматия*. – М.: Аспект Пресс, 1998. – С. 154–156.
36. *Спенсер Г.* Синтетическая философия (сокращенное изложение) / Г. Спенсер. – Киев: Ника-центр, 1997. – 512 с.
37. *Тышков, В. А.* Политическая антропология [Электронный ресурс]. – М.: Омск, 2001. – Режим доступа: <http://www.osliva.ru/sr>. – Дата доступа: 12.03.2010.
38. *Фрезер, Дж.* Золотая ветвь. Исследование магии и религии / Дж. Фрезер. – Эксмо, 2006. – 960 с.
39. *Эванс-Причард, Э. Э.* Нурра. Описание способов жизнедеятельности и политических институтов одного из нилотских народов / Э. Эванс-Причард. – М.: Наука, 1985. – 236 с.

40. Эванс-Питчард, Э. Э. История антропологической мысли / Э. Эванс-Питчард. — М.: Издат. фирма «Восточная литература», РАН. — 360 с.
41. Эволюция: Космическая, биологическая, социальная / под ред. А. Е. Гринина, А. А. Маркова, А. В. Коротаева. — М.: Книжный дом «Либроком», — 2009. — Вып. 1. — С. 176-225.
42. Adams, R. N. Energy and structure: A theory of social power // R. N. Adams — Austin: University of Texas Press, 1975.
43. Carneiro, R. L. Cultural evolution / R. L. Carneiro // Encyclopedia of cultural anthropology / Ed. by D. Levinson and M. Ember. — N. Y.: Holt, 1996. — P. 271-277.
44. Fried, M. H. The evolution of political society: An essay in political anthropology / M. H. Fried. — N. Y.: Random House, 1979. — 300 p.

2.2. Власть: основные теоретико-концептуальные подходы в политической науке

Изучение и осмысление феномена власти сопутствует всей истории социально-политической мысли. Как социальное явление власть многомерна и изучается разными науками. Б. Рассел считал, что фундаментальным понятием в общественных науках является власть, в том же смысле, в каком энергия является фундаментальным понятием физики. Сам термин «власть» связан с процессом осмысления данного социального феномена. М. В. Ильин отмечает, что «возникновение политической власти воспринималось людьми крайне непосредственно и конкретно. В результате были концептуализированы отдельные наиболее конкретно и непосредственно ощутимые «выделения» власти» [11, с. 29]. Это могло быть «начало» (греч. *arche*), «мощь», «сила» (лат. *potestas*).

Исследования возникновения термина «власть» в разных языках раскрывают историю этого понятия, изменение его смысла и значения от Античности, в которой не было интегрального понятия «власть», до Нового времени, когда понятие «власть» стало превращаться в научную категорию [17, с. 238-255]. Анализ категории «власть» показывает, как «многое зависит от исторического контекста и хронополитической зрелости, т. е. эволюционной развитости политических явлений и осмысляющих их понятий... не говоря уже о богатстве языковых традиций» [11, с. 7]. На понимание и трактовку власти накладывались и идеологические предположения.

В ходе исследования феномена власти созданы различные трактовки ее генезиса, разработаны разнообразные методы анализа, но создание синтетической теории власти все еще дело будущего. В. Г. Делез отмечает, что «современная крталогия... является информационно-поисковой системой, в которой представлены конкурирующие исследовательские про-

граммы» [15, с. 97]. Само понятие «власть», с точки зрения С. Льюиса и ряда других исследователей, продолжает оставаться «сущностно оспариваемым», так как его значения и критерии применения открыты для обсуждения и пересмотра, постоянного генерирования и умножения новых смыслов. Власть в политической науке определяется и как ресурсы, и как цель, и как способность контролировать каналы поведения других лиц и применять санкции [27, р. 19-22]. Власть рассматривают как принятые решения (Р. Далл. «Кто правит? Демократия и власть в американском го-роде» (1961)); как определение политической повестки дня, как контроль над сознанием, т. е. способность влиять на других людей, воздействуя на их мысли, желания, потребности (С. Льюис. «Власть: взгляд радикала» (1974)); как регулятивный механизм социального общения (А. А. Дегтярев).

М. В. Ильин, раскрывая смысл ряда понятийных категорий, подразделял их на «зонтичные» (соединение ряда понятий под общим «зонтиком») и «матрешечные» (объединение понятий, «входящих друг в друга наподобие матрешки). Но многие понятия, включенные в зонтичные категории, сами содержат понятийные матрешки («матрешки под зонтиком»). Категория «власть», на наш взгляд, относится к «зонтичным категориям».

В политической науке идет поиск единой формулы власти, но, как считал М. Фуко, множественность отношений власти может быть закодирована в частности, но никогда — в целом. Однако создание общей теории власти сохраняет свою актуальность. По мнению Т. Болла, несмотря на многообразие концепций власти, они «обладают, тем не менее, общими фундаментальными чертами», а значит, открыт путь к взаимоприемлемому согласию относительно «содержания и применения данного концепта» [2, с. 30]. Понятие «власть», отмечает В. В. Желтов, необходимо для описания и объяснения социальных отношений, в которых одни индивиды или группы добиваются подчинения других индивидов и групп. Власть — это способность воздействовать на людей определенным образом, это вероятность тех или иных социальных событий и условия их реализации, ресурсы и их использование, возможность достижения определенных социальных целей и их границ, т. е. понятие «власть» отражает важнейшие стороны жизни общества, связанные со сферой социального господства, контроля и управления [7, с. 12]. Следует согласиться с Д. Болдуином, что власть — это «термин, который хотим мы того или нет, занимает уникальное место в политическом анализе... Даже те исследователи, которые хотели бы избавиться от термина «власть», признают, что он слишком глубоко укоренился в вокабуляре политики, чтобы это действительно могло произойти» [цит. по: 7, с. 14]. Эвристический потенциал данной категории огромен как инструмент описания и объяснения социально-политической реальности. Поэтому многие исследователи отмечают назревшую